П. Кропоткинъ.

ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Переводъ съ французскаго Н. М.

Книгоиздательство „МЫСЛЬ“

А. МИЛЛЕРЪ, Лейпцигъ, — С.-Петербургъ.

1906.

Библиотека "Руниверс"

Электропечатня Я. Левенштейнъ. Екатерингофскій 10—19.

Библиотека "Руниверс"

I.

Франція торжественно отпраздновала столѣтній юбилей Великой Революціи.

Буржуазія долгое время относилась съ пренебреженіемъ къ этой Революціи и покрывала грязью того, кто отдалъ великому дѣлу освобожденія человѣчества свой энтузіазмъ, свою неукротимую энергію и свою жизнь. Теперь буржуазія объявила Революцію своимъ дѣломъ: день взятія Бастиліи сталъ національнымъ праздникомъ; столѣтній юбилей 1789 года былъ ознаменованъ выставкой, которая оставитъ по себѣ память въ лѣтописяхъ исторіи.

Рабчіе поддались общему настроенію. Въ торжественныхъ праздникахъ есть нѣчто заразительное: „радость жизни" овладѣваетъ массами, самые равнодушные чувствуютъ себя увлеченными; и 14 іюля, крестьянская и рабочая Франція участвовали въ праздникѣ наравнѣ съ оффиціальной Франціей.

И дѣйствительно, 14 іюля — великая революціонная дата въ исторіи человѣчества. Въ этотъ день нѣкогда возсталъ босяцкій Парижъ. Онъ понялъ свою силу и показалъ будущимъ поколѣніямъ, что самыя прочныя правительства падаютъ передъ натискомъ широкихъ массъ народа. Вѣдь великіе дни 48-го и 71-го гг. были лишь повтореніемъ 14-го іюля! Наши сердца и теперь еще начинаютъ биться сильнѣе при разсказахъ о томъ, какъ Дворъ подготовлялъ государственный переворотъ, какъ возстали предмѣстья и, куя пики и сжигая таможенныя заставы, двинулись въ аттаку противъ мрачной крѣпости, угрожавшей Парижу своими пушками и державшей въ своихъ башняхъ жертвы стараго режима! Сколько молодыхъ людей всѣхъ національностей чувствовали при воспоминаніи объ этихъ событіяхъ, какъ революціонное пламя *зажигается* въ ихъ жилахъ!

Но хотя буржуазія и празднуетъ юбилей Революціи, она

Библиотека "Руниверс"

скрываетъ еще правду объ этомъ возстаніи, болѣе важномъ во всемірной исторіи, чѣмъ столѣтія эволюціи, которыя ему предшествовали.

Установимъ факты, которые все болѣе и болѣе теряются въ потокѣ оффиціальной лжи и буржуазныхъ легендъ, изобрѣтенныхъ для того, чтобы скрыть отъ народа революціонный урокъ, который онъ могъ бы почерпнуть въ великой эпопеѣ.

Буржуазная ложь, якобинская ложь искажаютъ дѣйствія народа во время Революціи. Мы попытаемся возстановить ея истинный народный смыслъ.

Два большихъ теченія, подготовили и сдѣлали Революцію. Одно изъ нихъ прославляется въ оффиціальныхъ рѣчахъ. Намъ приходится остановиться на другомъ; на томъ, о которомъ охотно умалчиваютъ, такъ какъ оно было *анархистскимъ*.

Первое теченіе—всецѣло идейное—зародилось въ средѣ буржуазіи, второе, состоявшее всецѣло въ дѣйствіи, росло въ средѣ народныхъ массъ – крестьянскихъ въ деревнѣ и пролетарскихъ въ большихъ городахъ. И когда оба эти теченія встрѣтились въ одной цѣли, которая вначалѣ была общей, когда они оказали другъ другу взаимную поддержку, —Революція совершилась.

Внезапно рушились учрежденія, которыя въ теченіе вѣковъ внѣдрялись въ почву и казались столь прочными, столь непоколебимыми, что самые смѣлые реформаторы не осмѣливались къ нимъ прикасаться. Пало и потерпѣло полное крушеніе все то, что составляло основу общественной, религіозной, политической и экономической жизни Франціи въ теченіе вѣковъ, всѣ пріобрѣтенныя идеи, всѣ общепринятыя понятія о всякомъ изъ проявленій столь сложныхъ отношеній въ человѣческомъ сообществѣ.

Появились и развились новыя понятія о многоразличныхъ отношеніяхъ между гражданами - новыя идеи, которыя распространились по Европѣ, волнуя цивилизованный міръ и сообщая слѣдующему поколѣнію его лозунгъ, его задачи, его науку, его экономическое, политическое и моральное развитіе.

Библиотека "Руниверс"

Но какова же была та *идея*, которая расцвѣла въ средѣ буржуазіи? Мы оцѣнимъ ея важность, ея значеніе и ея сущность, если приглядимся къ ея результатамъ.

Централизованныя, организованныя полицейскія государства, которыя дѣлятъ между собою Европу и прикованное къ ея территоріи человѣческое сообщество, являются результатомъ дѣятельности революціонной буржуазіи 1789 г.

Этотъ чудовищный механизмъ, который по приказу, исходящему изъ какой-нибудь столицы, приводитъ въ движеніе милліоны людей, снаряженныхъ для войны, и тысячи огненныхъ жерлъ, изрыгающихъ смерть, покрывающихъ кровью поле сраженія, вносящихъ разрушеніе въ поля и трауръ въ семьи, эти территоріи, покрытыя сѣтью администраторовъ, повинующихся приказамъ центральной воли, назначенной парламентомъ, это повиновеніе гражданъ закону; этотъ культъ закона, парламента, судьи и его агентовъ, эта сѣть школъ, поддерживаемыхъ и управляемыхъ государствомъ для укрѣпленія культа власти и пассивнаго сопротивленія, эти короли финансовъ, которые въ своей мошнѣ держатъ участь народовъ, раздувая или сдерживая воинственный пылъ правителей, эта промышленность, которая растираетъ подъ своими колесами работника, отданнаго ей во власть націей, эта торговля, которая сосредоточиваетъ богатства въ рукахъ тѣхъ, кто захватилъ землю, копи и фабрики, наконецъ, эта наука, которая, освобождая мысль, стократно увеличиваетъ продуктивныя силы человѣчества, но хочетъ въ то же время подчинить ихъ праву болѣе сильнаго,—все это не существовало до Революціи и все это было мечтой англійской и французской буржуазіи гораздо ранѣе 1789 года.

Она постигла и изучила всю эту политическую и экономическую организацію гораздо раньше, чѣмъ Революція заявила о себѣ. Организацію эту, всю цѣликомъ, можно найти въ тысячахъ сочиненій—книгъ и памфлетовъ,—въ которыхъ дѣятели Революціи черпали свое вдохновеніе, свою энергію.

Французская буржуазія знала, чего хотѣла, ея идеаломъ было создать конституцію по примѣру англійской; низвести короля до роли простого писца-регистратора; передать власть въ руки буржуазнаго парламента; сконцентрировать правительство, какъ это было въ древнемъ Римѣ, и передать въ

Библиотека "Руниверс"

его руки налоги, суды, военную силу, школы, торговлю всей территорiи; провозгласить свободу торговыхъ сдѣлокъ, дать полную свободу эксплоатировать работника, оставивъ его безъ защиты противъ его эксплоататора: и все это должно совершаться подъ покровительствомъ государства, поощряющаго обогащенiе частныхъ лицъ и накопленiе большихъ состоянiй во имя равенства въ подчиненiи и свободы хищенiя.

Когда представилась возможность реализовать эту мечту, буржуазiя, сильная своимъ знанiемъ и своимъ политическимъ идеаломъ, не колеблясь ни относительно цѣлаго, ни относительно частностей, работала надъ ея осуществленiемъ съ послѣдовательной и сознательной энергiей, которой народъ никогда не обладалъ, такъ какъ онъ не выработалъ себѣ идеала, который онъ могъ бы противопоставить идеалу буржуазiи.

Но для достиженiя цѣли нужна была сила, физическая сила — самоотверженiе, презрѣнiе къ смерти передъ лицомъ враговъ. Нужно было привести въ движенiе массы для того, чтобы взять приступомъ старыя учрежденiя, для того, чтобы вершить дѣло разрушенiя.

Наряду съ идейнымъ теченiемъ нужно было теченiе *дѣйствiя.*

Это теченiе зародилось въ народѣ. Буржуазiя вначалѣ содѣйствовала ему и обратилась къ народной силѣ для того, чтобы сдѣлать нападенiе на монархiю; позднѣе, когда народъ выступилъ противъ привиллегiй третьяго сословiя, она хотѣла уже укротить ее.

И вотъ эту-то могущественную поддержку народа лицемѣрно игнорируютъ въ оффицiальныхъ рѣчахъ. Объ этомъ возстанiи, которое длилось четыре года и дало возможность буржуазiи бороться и побѣдить королевскую власть, почти не упоминаютъ; о немъ говорятъ съ сожалѣнiемъ; его называютъ „достойными сожалѣнiя излишествами, излишествами разбойниковъ“.

Мы попытаемся познакомить современныхъ анархистовъ съ дѣятельностью тѣхъ, кого наши дѣды называли ***анархистами***, дѣятельностью, которая дѣйствительно была по существу своему и по формамъ анархистскою, и которую буржуазные историки обходятъ молчанiемъ. Мы сожалѣемъ, что

Библиотека "Руниверс"

не можемъ войти во всѣ детали, хотя каждая изъ нихъ имѣетъ свое значеніе, такъ какъ изученіе прошлыхъ битвъ лучшій урокъ будущимъ борцамъ.

II.

Политическія стремленія буржуазіи состояли въ идеѣ о представительномъ правительствѣ въ всемогущемъ государствѣ, которое руководитъ всею жизнью гражданина; это представленіе о государствѣ позаимствовано было у юрисконсультовъ древняго Рима.

Ихъ экономическая идея была не менѣе опредѣленна. Французская буржуазія читала и изучала Тюрго и Адама Смита—творцовъ политической экономіи; она знала, что въ Англіи ихъ теоріи уже примѣнялись, и завидовала могущественной организаціи своихъ сосѣдей съ той стороны Ламанша. Она мечтала объ эксплоатаціи богатствъ почвы, которая въ рукахъ феодаловъ оставалась непроизводительной, и ей сочувствовала въ этомъ мелкая сельская буржуазія, которая представляла въ деревнѣ значительную силу еще раньше, чѣмъ Революція увеличила ея численность. Она предвидѣла уже развитіе промышленности, крупнаго машиннаго производства, торговлю и вывозъ въ заокеанскія колоніи, широкія предпріятія и американскіе рынки и колоссальныя богатства.

Но прежде всего нужно было разбить цѣпи, которыя приковывали крестьянина къ землѣ; нужно было, чтобы онъ получилъ возможность покинуть деревню, переѣхать въ городъ и, перемѣнивъ господина, приносить доходъ промышленнику вмѣсто того оброка, который онъ, лишая себя хлѣба, платилъ сеньору.

Нуженъ былъ порядокъ въ государственныхъ финансахъ, болѣе выгодные для казначейства и болѣе легкіе для взиманія налоги. Нужно было то, что лицемѣрно называли „свободой промышленности и торговли“; долой цехи, компаньонажъ, сословія, которые служатъ препятствіемъ эксплоатаціи!

Библиотека "Руниверс"

Долой преграды, стѣсняющія зарождающуюся промышленность! Долой внутреннія таможни и запретительные законы! Полная свобода сдѣлокъ.

Чтобы добиться этой цѣли буржуазія должна была сокрушить власть Двора, аристократіи и духовенства, организовать государство и взять для этого управленіе въ свои руки.

Вотъ—программа буржуазіи при приближеніи Революціи, программа—очень точная, какъ видите, въ которой все на своемъ мѣстѣ, все гармонично, все законченно.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что буржуазія руководилась исключительно узкими эгоистическими побужденіями.

Лучшіе представители третьяго сословія черпали изъ того величественнаго источника—философіи XVIII вѣка, который заключалъ въ себѣ зародышъ всѣхъ великихъ идей, которыя впослѣдствіи возникали. Въ высокой степени научный духъ этой философіи, ея глубоко моральный характеръ, даже когда она осмѣивала условную мораль, ея довѣріе къ разуму, силѣ и величію свободнаго человѣка, живущаго между равными, ея ненависть къ деспотическимъ учрежденіямъ—все это перешло потомъ къ революціонерамъ. Гдѣ же они почерпнули бы силу убѣжденія, которую они обнаружили во время борьбы? Нужно также признать, что тѣ самые, которые больше всего работали надъ осуществленіемъ программы обогащенія, искренне вѣрили, что обогащеніе частныхъ лицъ—лучшее средство къ обогащенію всей націи вообще.

Но какъ бы велики ни были абстрактныя идеи свободы, равенства, свободнаго прогресса, которыя вдохновляли самыхъ искреннихъ представителей буржуазіи 89—93 гг., мы обязаны ихъ судить по ихъ *практической* программѣ, по приложенію ихъ теоріи.

Абстрактная идея остается неопредѣленной; — какъ она выражается въ фактахъ реальной жизни? Посмотрите на соціалиствъ нашихъ дней, которые черпаютъ свое вдохновеніе, свой энтузіазмъ въ величіи общей идеи счастья массъ, но какъ разнообразны ихъ теоріи относительно практическаго осуществленія этого идеала? Для однихъ соціализмъ—

Библиотека "Руниверс"

освобожденіе человѣческаго рода, межъ тѣмъ какъ для другихъ онъ едва обозначаетъ реформу заработной платы! И между этими двумя крайностями мы находимъ всевозможные оттѣнки. Абстрактная идея можетъ дать мѣсто самымъ различнымъ программамъ; стало-быть, намъ нужно судить не по идеѣ, но по программѣ.

И если справедливо признать, что буржуазія 1789 г. вдохновлялась идеями свободы и равенства, политическаго, экономическаго и религіознаго освобожденія—идеи эти, оформляясь, выражались какъ разъ въ той двойной программѣ, которую мы очертили: неограниченная свобода въ использованіи богатствъ всякаго рода, въ эксплоатаціи человѣческаго труда безъ всякой гарантіи для жертвъ этой эксплоатаціи, и централизація власти съ цѣлью гарантировать и обезпечить свободу эксплоатаціи, т.-е. якобинское государство по образцу древняго Рима.

А народъ? Какова была его идея? Народъ также почерпнулъ ее въ современной философіи. Идеи великихъ шотландскихъ мыслителей, систематизированныя, развитыя и популяризированныя во Франціи, незамѣтно проникали въ среду тѣхъ, кто трудился за плугомъ, у наковальни или съ пилой. Они вдохновлялись великими принципами свободы, ждали въ будущемъ всеобщаго счастья. Перечитывая литературу этой эпохи, поражаешься множествомъ чисто соціалистическихъ и коммунистическихъ идей, которыя распространялись въ народѣ такими представителями буржуазіи, какъ Сіэйсъ, какъ Бриссо, который еще раньше Прудона сказалъ: „Собственность есть кража!“.

Неопредѣленное стремленіе къ коммунизму и къ анархизму охватывало народныя массы. Достаточно перечитать Руссо, его философскія произведенія и романы, которые читались въ это время, для того, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Но межъ тѣмъ, какъ у буржуазіи идеи освобожденія выражались въ законченной программѣ политической и экономической организаціи, народу эти самыя идеи преподавались въ видѣ ряда отрицаній, безъ указаній на то, что возникнетъ на мѣстѣ уничтоженныхъ учрежденій. Можно даже сказать, что тѣ, кто обращался къ народу — совсѣмъ какъ многіе соціалисты нашего времени — избѣгали точности. Сознательно или нѣтъ, они какъ будто говорили: „Зачѣмъ

Библиотека "Руниверс"

говорить народу, какимъ образомъ организоваться впослѣдствіи. Пусть онъ только пріобрѣтетъ боевую силу, энергію для аттаки старыхъ учрежденій. Это все, что отъ него требуютъ: позже мы увидимъ, какимъ образомъ устроиться".

Народу не говорили о будущемъ. Какъ будто боялись охладить его революціонную энергію и обращались только къ его чувству. Передъ нимъ разоблачали злоупотребленія, ему говорили: „Возстань! Все устроится къ лучшему!". Сколько соціалистовъ и анархистовъ дѣйствуютъ и теперь еще такимъ образомъ! Желая ускорить день возстанія, они называютъ всякую попытку очертить будущую организацію усыпляющей теоріей!

Поэтому-то народныя идеи выражались въ отрицаніяхъ „Сожжемъ бумаги, закрѣпляющія наши повинности! Долой десятину! Долой госпожу veto! На фонарь аристократовъ!" Но кому отдать освобожденную землю? Кому отдать наслѣдство гильотинированныхъ аристократовъ? Кому отдать государственную власть (которая ушла изъ рукъ госпожи veto и стала въ рукахъ якобинцевъ не менѣе могущественной силой)?

Сомнительно даже, ставились ли эти вопросы? И когда впослѣдствіи, во время Революціи, объ этихъ вопросахъ заговорили, это сдѣлали для того, чтобы превратить народъ— было бы правильнѣе сказать: развратить народъ — въ сторонника буржуазнаго порядка.

Но какъ бы могущественна ни была идея, цѣлая пропасть отдѣляетъ ее отъ дѣйствія. Буржуазія оставалась безсильною, пока народъ не оказалъ ей поддержки своимъ революціоннымъ порывомъ, своими мятежами, своей жакеріей, которые дали возможность сокрушить старый режимъ.

Историки напыщенно разсказывали о 14-мъ іюля, о революціонномъ увлеченіи буржуазіи при приближеніи революціи. Но это только легенда, сочиненная послѣ событій. Насъ, напротивъ того, поражаетъ при изученіи исторіи Революціи раболѣпіе буржуазіи по отношенію къ королевской власти, ея раболѣпіе въ 1789 г., ея раболѣпіе послѣ 1789 г., до самаго іюня 1792 г. Сколько тысячъ лакеевъ на одного Д'Эпремесниля!

Даже въ самый разгаръ Революціи, когда весь востокъ

Библиотека "Руниверс"

Франціи былъ объятъ пламенемъ, когда народъ повсюду сбрасывалъ узду, отношеніе буржуазіи къ королю вызываетъ отвращеніе.

Прочитайте только въ „Революціи“ Эдгара Кинэ (гл. 1, стр. 342) слѣдующія строки: „Въ 1742 г. якобинскій клубъ былъ еще роялистскимъ; онъ хочетъ изгнать изъ своихъ рядовъ Бильо-Варенна, который осмѣлился нападать на монархію. Въ то же время Робеспьеръ, за три мѣсяца съ лишнимъ до паденія монархіи, серьезно ставитъ вопросъ: «Что же такое Республика?» Онъ выступалъ ярымъ защитникомъ роялистской конституціи въ теченіе всего періода законодательнаго собранія, когда, оставивъ трибуну, онъ въ своей газетѣ посвящаетъ себя дѣлу воспитанія народа. Ни одного слова, которое могло бы подготовить народъ къ перевороту, который вскорѣ послѣдуетъ! 7-го іюля 1792 г., т.-е. за два съ половиной мѣсяца до провозглашенія республики, республиканцы даютъ въ Законодательномъ Собраніи клятву ненавидѣть республику“ *).

Это происходило въ 1792 году; что же было въ 1789 году? Для насъ не представляетъ никакихъ сомнѣній, что боевую силу представлялъ лишь мятежный народъ. Безъ него не было бы революціи.

III.

Мы совершенно расходимся съ историками, утверждая, что крестьяне и городскіе пролетаріи одни совершили революцію. Если повѣрить историкамъ, буржуазія съ самаго начала обнаружила революціонный пылъ, она будто бы увлекла народъ. Но читайте этихъ же историковъ, не останавливаясь на ихъ заключеніяхъ; вдумывайтесь въ факты, минуя заключенія: васъ поразитъ, напротивъ того, трусость буржуазіи.

Если бы свобода не имѣла другихъ защитниковъ, мы все еще жили бы при старомъ режимѣ. Буржуазія безропотно подчинялась произволу и высокомѣрію Двора не только

*) Въ точности этого факта можно удостовѣриться, справившись въ „Moniteur“.

Библиотека "Руниверс"

до 1789 г.; даже въ 89 и въ 90 гг., въ самый разгаръ революціи, ея поведеніе граничитъ съ рабскою угодливостью. Тонъ рѣчей собранія положительно возмутителенъ; ея адресы королю составлены въ стилѣ лакеевъ. Она становилась смѣлѣе лишь по мѣрѣ того, какъ королевская власть ослабѣвала, падая подъ ударами народа.

Впродолженіе четырехъ лѣтъ буржуазія только то и дѣлаетъ, что скрѣпя сердце уступаетъ революціоннымъ порывамъ народа. И въ то время, какъ въ 93-мъ году народъ хотѣлъ уже болѣе или менѣе коммунистической общины, Робеспьеръ и другіе предлагали англійскую конституцію.

Но не будемъ забѣгать слишкомъ впередъ, возвратимся къ 1789-му году.

Легенда, которую разсказываютъ и пересказываютъ о 14-мъ іюлѣ, довольно извѣстна: „Національное Собраніе засѣдало. Послѣ двухмѣсячныхъ столкновеній всѣ три сословія—духовенство, дворянство и третье сословіе засѣдали вмѣстѣ. Власть ускользала изъ рукъ Двора.

„Тогда готовится переворотъ. Войска сосредоточенныя вокругъ Парижа, должны были разогнать собраніе. 11-го іюля Дворъ рѣшился дѣйствовать. Неккера уволили въ отставку и изгнали. Парижъ узналъ объ этомъ 12-го іюля. Граждане вышли на улицу и устроили демонстрацію, нося статую Неккера. Въ Palais Royal Камиллъ Демулэнъ произноситъ рѣчь; всѣ одѣваютъ зеленыя кокарды изъ листьевъ, сорванныхъ съ деревьевъ. Поднимаются предмѣстья, въ 36 часовъ выковываютъ 50000 пикъ и направляются къ Бастиліи, которая вскорѣ опускаетъ свои мосты. Революція одержала первую побѣду.

„Новость распространяется въ провинціи и повсюду вызываетъ такія же возстанія. Она проникаетъ въ деревни, замки пылаютъ. Тогда духовенство и дворянетво въ ночь на 4 августа отказывается отъ своихъ феодальныхъ правъ. Феодализмъ перестаетъ существовать.

„Если послѣ этого въ деревнѣ происходятъ еще безпорядки, въ этомъ повинны разбойники, подкупленные Дворомъ или англичанами, которымъ выгодно поддерживать неурядицу. Поэтому-то патріоты изъ муниципалитетовъ хотятъ положить предѣлъ анархіи, истребляя разбойниковъ. И Револю-

Библиотека "Руниверс"

ція продолжается только потому, что аристократы и Дворъ не хотятъ починиться великимъ принципамъ 89-го года. Поэтому-то провозглашается республика, и революціонныя партіи начинаютъ истреблять другъ друга, пока термидоръ не приводитъ съ собою реакціи".

Такова легенда буржуазіи.

Но легенда эта—ложь отъ начала до конца: она невѣрно передаетъ факты и вдвойнѣ невѣрно освѣщаетъ ихъ.

Революція началась не 14-го іюля. Она началась въ январѣ 89-го года и даже зимой 1788 г.

Протесты парламентовъ 1788 года имѣли нѣкоторое значеніе, конечно, не потому, что ротозѣи назначали другъ другу свиданье у этихъ судебныхъ учрежденій. Эти протесты становились иногда внушительными, получали революціонное значеніе благодаря вмѣшательству народа. Во многихъ мѣстахъ городскіе работники, пользуясь борьбою между правителями, устраивали возстанія, желая положить конецъ эксплоатаціи аристократовъ.

Королевская власть не созвала представителей сословій, если бы она имѣла дѣло только съ платоническими протестами господъ членовъ парламентовъ. Но народъ также возсталъ. Прозвучалъ голосъ „хищнаго звѣря", „взбѣшеннаго слона" (такъ г. Тэнъ называетъ народъ—это, несомнѣнно, академическое краснорѣчіе). Нужно было его укротить, и Дворъ чувствовалъ себя неспособнымъ сдѣлать это безъ поддержки буржуазіи. Онъ рѣшилъ тогда созвать представителей ея.

Къ тому же, начиная съ зимы 1788 г., народъ не платилъ больше оброковъ сеньорамъ. Правда и то, что къ этому побуждала его буржуазія. Вполнѣ вѣрно и то, что буржуазія 1789 г. была достаточно умна для того, чтобы понять, что безъ народнаго возстанія она никогда не побѣдитъ абсолютной власти.

Понятно также, что нѣкоторыя совѣщанія собраній Нотаблей, которыя обсуждали уже уничтоженіе феодальныхъ правъ, толкали народъ къ мятежу. Революція не результатъ отчаянія, какъ это утверждали бланкисты, которые вѣрили, что чрезмѣрное зло приводитъ къ добру. Напротивъ того,

Библиотека "Руниверс"

народъ 1789 года видѣлъ передъ собою свѣтъ близкаго освобожденія, и это тѣмъ болѣе побуждало его къ возмущенію.

Но недостаточно надѣяться; нужно еще дѣйствовать, жертвовать своею жизнью въ тѣхъ первыхъ мятежахъ, которые подготовляютъ революцію. Вотъ этого-то не могла дѣлать буржуазія. Это дѣлалъ только народъ.

Крестьяне устраивали бунты, еще когда за это наказывали висѣлицей, кандалами и пытками.

Съ ноября 1778 г. бунты эти становятся распространеннымъ явленіемъ; они носили то индивидуальный, то коллективный характеръ и становились все болѣе и болѣе коллективными, по мѣрѣ того, какъ народъ становился болѣе смѣлымъ. Интенданты писали министру, что нѣтъ никакой возможности подавить всѣ мятежи. Крестьяне устраивали эти бунты безъ рѣчей, но съ хорошими дубинами. Всякій въ отдѣльности не имѣлъ значенія; но всѣ вмѣстѣ они подтачивали самыя основы государства.

Въ январѣ происходили выборы, вырабатывались требованія. Но крестьянинъ не заботился объ этомъ. Онъ прежде всего практическій человѣкъ и не полагается на своихъ представителей: онъ устраиваетъ мятежи. Онъ отказывается отъ барщины въ пользу сеньоровъ и государства. Кое-гдѣ сеньоровъ убиваютъ; среди массъ возникаютъ тайныя общества безъ устава и безъ централизованной организаціи, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ друзей, знающихъ другъ друга и дѣйствующихъ сообща въ тайномъ комитетѣ. Сборщиковъ податей встрѣчаютъ ударами дубины; земли сеньоровъ конфискуются и обрабатываются.

И эти бунты тѣмъ болѣе страшны, что они совершенно неожиданны и учащаются по всей территоріи Франціи, въ особенности на востокѣ, сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ. Тэнъ насчитываетъ слишкомъ триста бунтовъ до 14 іюля, слѣды которыхъ найдены имъ въ Національномъ Архивѣ. Цифра въ 3000, вѣроятно, не покажется преувеличенной, если вспомнить, что архивы были сожжены въ 1793 году по приказанію Конвента.

Шассэнъ тысячу разъ правъ, когда говоритъ, что феодальныя права должны были исчезнуть даже въ томъ случаѣ, если бы Парижъ потерпѣлъ 14 іюля пораженіе. Кре-

Библиотека "Руниверс"

стьяне не признавали ихъ больше, и понадобилась бы форменная война противъ каждой деревни въ отдѣльности для того, чтобы возстановить ихъ.

Феодализмъ получилъ смертельный ударъ гораздо раньше, чѣмъ въ Версальскомъ театрѣ раздались тѣ рѣчи, которыя такъ тщательно воспроизводятся историками.

Могъ ли Парижъ оставаться спокойнымъ, когда крестьянская Франція уже поднялась? Конечно, въ Парижѣ порядокъ охранялся войсками, но все же и здѣсь происходили мятежи. Въ апрѣлѣ народъ возсталъ противъ морившаго его голодомъ Ревейона, и еженедѣльно происходили стычки. Буржуазія поощряла народъ, радуясь, что нашла въ немъ могущественнаго помощника для защиты ея требованій.

Наступаетъ іюль мѣсяцъ. Всѣ три сословія объединились—буржуазія одержала парламентскую побѣду. Но Дворъ готовится къ перевороту. Войска наготовѣ, гусары должны вторгнуться въ залу собранія и разогнать представителей.

Мы пережили 18-ое брюмера и 2-ое декабря и знаемъ, что произошло бы. Представители протестовали бы—и подчинились бы, межъ тѣмъ, какъ вожди были бы заключены въ Бастилію.

Революціонные буржуа не питали никакихъ иллюзій насчетъ храбрости своихъ представителей, и они поняли необходимость поднять парижскій народъ для предотвращенія переворота.

Теперь господамъ республиканцамъ не хочется въ этомъ сознаться; они ни за что не хотятъ признать, откуда исходитъ ихъ власть: но приходится это сдѣлать. Ихъ дѣды отправились искать помощи въ рабочія предмѣстья.

Они льстили рабочимъ, прельщали ихъ обѣщаніями свободы, равенства и даже соціализма (вѣдь обѣщать хлѣба для всѣхъ, благополучія всѣмъ—значитъ обѣщать соціализмъ; они ласкали тѣхъ, кого презираютъ теперь; они братались съ тѣми, кого называютъ теперь подонками общества. И благодаря этому они нашли наружную силу для того, чтобы побѣдить короля, Дворъ и аристократію.

А парижскій народъ не требовалъ ничего лучшаго. Онъ трепеталъ, мечтая о свободѣ. Но ему нуженъ былъ также хлѣбъ, ибо дѣти его ложились спать голодными. Покончить

Библиотека "Руниверс"

съ аристократами, со всѣми богачами—въ предмѣстьяхъ были съ этимъ согласны, но тамъ хотѣли также сжечь таможенныя заставы, разграбить амбары хлѣботорговцевъ, погреба виноторговцевъ. И раньше, чѣмъ буржуазія нашла Камилла Демулэна, чтобы призвать народъ „къ оружію“, Парижъ уже возсталъ.

Неккеръ былъ отосланъ 11-го, Парижъ узналъ объ этомъ 12-го. Но уже 8 іюля (справьтесь въ „Moniteur“—не въ перепечаткахъ) безработные землекопы Монмартра устроили бунтъ. 10-го пролилась кровь, въ тотъ же день сожжена была таможенная застава въ Шоссэ д'Антэнъ, и хлѣбъ и вино ввозились уже безпошлинно въ Парижъ.

Кто знаетъ, произнесъ бы Демулэнъ когда-нибудь свою гордую рѣчь, если бы онъ не чувствовалъ поддержки въ массахъ?! Къ тому же и самая рѣчь его вдохновлена была бушевавшимъ мятежемъ.

Парижскій народъ сбросилъ ярмо. При первомъ призывѣ онъ началъ вооружаться. Онъ овладѣлъ *сначала хлѣбомъ*, разграбивъ монастырь лазаристовъ, и отправилъ 25 повозокъ съ зерномъ на центральный рынокъ: съ пустымъ желудкомъ не даютъ сраженій; онъ выковалъ пики, и черезъ два дня крѣпость, угрожавшая Парижу, пала подъ натискомъ народа.

Но народъ ненавидѣлъ не только аристократовъ. Онъ питалъ также злобу противъ богачей, морившихъ его голодомъ. И впродолженіе двухъ дней Парижу богачей угрожало быть разграбленнымъ Парижемъ бѣдняковъ.

Однако, буржуазія, воспользовавшись услугами народа, думала уже о средствахъ его укрощенія. Она вооружилась ружьями противъ пикъ. У нея былъ болѣе ясный взглядъ на будущее, и она сорганизовалась одновременно противъ королевской власти *и противъ народа*, и „достаточно было нѣсколькихъ спасительныхъ примѣровъ для того, чтобы предупредить грабежъ и водворить порядокъ среди разбойниковъ“ —говоритъ современникъ.

Народъ, вчерашній союзникъ, былъ теперь „разбойникомъ“. Гордый своей побѣдой надъ королевской властью, онъ очнулся подъ новой властью—подъ властью буржуазіи.

Библиотека "Руниверс"

Исторія 14 іюля—это исторія народа во время Революціи.

Сегодняшній союзникъ становится завтра разбойникомъ. Того, кто былъ союзникомъ 5 октября, 10-го августа, называли въ другое время разбойникомъ, хищнымъ звѣремъ, бѣшеннымъ слономъ. Онъ былъ обманутъ, такъ какъ не зналъ заранѣе, что сдѣлать со своей побѣдой!

IV.

Парижъ овладѣлъ Бастиліей, деревни пылали возстаніемъ. Но города оставались еще спокойными. Они зашевелились послѣ того, какъ узнали про побѣду возстанія въ Парижѣ.

Города того времени не были похожи на современные города. Въ средніе вѣка въ нихъ образовалась родовая аристократія, въ рукахъ которой находились муниципальныя дѣла и финансы. Она мошенничала, обогащалась на счетъ города, и общественный пирогъ оставался достояніемъ нѣсколькихъ семей, переходя по наслѣдству отъ отца къ сыну. Семьи эти владѣли также крѣпостными въ деревнѣ. Богатые буржуа и дворяне пользовались, сверхъ того, феодальными привиллегіями: для того, чтобы жениться, завѣщать свое состояніе дѣтямъ или продать его, ремесленникъ, совсѣмъ какъ крестьянинъ въ деревнѣ, долженъ былъ уплачивать оброкъ своему сеньору—дворянину или буржуа.

Муниципалитеты находились въ распоряженіи мелкихъ дворянъ и писцовъ, при помощи которыхъ сеньоры и тузы распоряжались народнымъ достояніемъ, и народъ выжидалъ только случая для того, чтобы предать огню эти вертепы рабства.

Буржуа также имѣли на что жаловаться. Эти люди стремились къ обогащенію и накопляли свои капиталы торговлей и промышленностью. Они недружелюбно относились къ дворянамъ за ихъ высокомѣріе; ихъ неудовольствіе вызывало и то, что налоговое бремя съ меньшею тяжестью падало на дворянъ. Они мечтали о крупной промышленности, о свободѣ эксплоатаціи, и цеховыя корпораціи стѣсняли ихъ: хорошо эксплоатировать можно лишь въ томъ случаѣ, если имѣешь дѣло съ каждымъ рабочимъ въ отдѣльности.

Библиотека "Руниверс"

Эти нѣкогда столь могущественныя корпораціи ремесленниковъ, которыя представляли собою въ средніе вѣка организацію труда по общинамъ, могли бы превратиться въ новыя учрежденія, приспособленныя къ потребностямъ мануфактурной промышленности; но это было бы невыгодно буржуазіи, которая хотѣла „свободы сдѣлокъ", т.-е. безпрепятственной свободы эксплоатировать каждаго пролетарія въ отдѣльности.

Ненависть народа противъ буржуазнаго и дворянскаго феодализма и ненависть мелкой буржуазіи противъ дворянства и корпорацій слились въ одно. И вотъ, лишь только разнеслась вѣсть о взятіи Бастиліи, пролетаріи, которымъ надоѣли уже колебанія Собранія, подняли знамя возстанія; ихъ побуждали къ этому великія идеи освобожденія, Свободы и Равенства, и подстрекательства мелкой буржуазіи. Города Эльзаса, Лотарингіи и Дофине,—вообще всѣ города востока — поднялись. Муниципалитеты были взяты приступомъ; архивы были сожжены, родовая аристократія прогнана. Барщина, десятина и весь блескъ феодализма исчезли также въ городахъ, какъ и въ деревняхъ.

Народъ плясалъ на развалинахъ, онъ сажалъ деревья Свободы—и онъ вернулся въ свои лачуги. Но буржуазія не удовольствовалась столь малымъ. Она воспользовалась случаемъ, и въ провинціи, какъ и въ Парижѣ, немедленно вооружилась, организовала милиціи, овладѣла муниципалитетами и поставила себя на мѣсто исчезнувшей власти. Когда народъ хотѣлъ продолжать свое дѣло и двинуть впередъ Революцію, онъ увидѣлъ, что находится подъ опекой новаго хозяина, еще болѣе сильнаго, чѣмъ уничтоженная власть; онъ очутился передъ вооруженной силой буржуазной милиціи, еще болѣе грозной, чѣмъ немногочисленные солдаты нѣмецкаго королевства.

Буржуазія 1789 г. имѣла опредѣленный планъ: вооружить буржуазныя милиціи, которыя могли бы служить плотиной противъ народа и противъ королевской власти; занять муниципалитеты, заставить „уважать собственность"; завладѣть властью въ государствѣ и переорганизовать ее по плану, который мы очертили выше.

Для этого недостаточно было быть хозяиномъ въ Страсбургѣ, въ Ліонѣ, въ Марсели и т. д. Нужно было захватить власть въ свои руки въ каждой коммунѣ и въ каждомъ

Библиотека "Руниверс"

мелкомъ мѣстечкѣ сдѣлать то же, что и въ большихъ городахъ.

Но кто могъ это сдѣлать? Кто могъ вооружить милицію? Конечно, не Національное Собраніе. Это должны были сдѣлать обыватели по собственной иниціативѣ. Но эти обыватели, поглощенные мелкими интересами своей лавочки, не подавали признаковъ жизни. Они едва интересовались тѣмъ, что происходитъ во Франціи.

Буржуазія 1789 г. не имѣла наивности нашихъ доктринеровъ власти, которые думаютъ, что всего можно достигнуть путемъ пары декретовъ. Она поняла, что слѣдуетъ дѣйствовать въ каждой коммунѣ, не ожидая ничего отъ Парижа. Дюпортъ и другіе взяли на себя эту задачу, и вотъ какимъ образомъ они выполнили ее.

Съ января мѣсяца—сказали мы—деревни востока Франціи были объяты заревомъ возстанія. Никому невѣдомые эмиссары, вышедшіе изъ рядовъ самого народа, обходили села и побуждали страну къ мятежу. Тамъ, гдѣ обыкновенныя средства оказывались недостаточными, они предъявляли ложные декреты Національнаго Собранія, предписывавшіе прекратить всѣ платежи и овладѣть землями сеньоровъ. Другіе предъявляли также ложныя грамоты короля, предписывавшія сжигать замки. Нашелся даже обманщикъ, выдававшій себя за родственника Людовика XVI. Ибо крестьяне того времени были не болѣе грамотны, не болѣе развиты и храбры, чѣмъ современные русскіе мужики; они не прочь были возстать, но ихъ актамъ нужно было придать внѣшность законности. Это всегда могло бы послужить извиненіемъ въ случаѣ пораженія.

То, что мы разсказываемъ—не легенда. Это—факты, которые обходятся молчаніемъ буржуазными историками. Но истинность этихъ фактовъ можно провѣрить, справившись въ „Moniteur“, и декреты Національнаго Собранія и рапорты Грегуара упоминаютъ о нихъ.

Итакъ, замки пылали, арендные договоры уничтожались, сеньоры отрекались отъ феодальныхъ правъ изъ боязни угрозъ и пожаровъ; и это дѣлалось часто во имя короля или Національнаго Собранія.

Но, какъ послѣдовательные люди, крестьяне не дѣлали различія между дворянами и буржуазіей. Если случалось, что сеньоръ уступалъ свои феодальныя права буржуа (и разо-

Библиотека "Руниверс"

ренное дворянство дѣлало это очень часто, совсѣмъ какъ современные англійскіе лорды и русскіе помѣщики), крестьяне сжигали и домъ буржуа или съ топоромъ надъ его головой заставляли его отрекаться отъ своихъ правъ, они поступали съ нимъ такъ же, какъ поступили бы съ сеньоромъ въ шпорахъ.

„*Разбойники сожгли замки патріотовъ:*“ заявили революціонные буржуа. Стало-быть, долой крестьянъ! И буржуазныя милиціи отправились изъ городовъ въ деревни возстановлять порядокъ. Въ Страсбургѣ, на слѣдующій день послѣ возстанія, которое уничтожило феодализмъ, буржуазная милиція арестовала 400 рабочихъ и тотчасъ же повѣсила двоихъ. Въ деревняхъ было еще хуже. Муниципалитеты превращались въ передвижные суды и, одержавъ легкую побѣду надъ безоружными крестьянами, они безжалостно вѣшали этихъ „разбойниковъ“, которые осмѣлились грабить „собственность разночинцевъ“ наравнѣ съ собственностью дворянъ. Документы упоминаютъ о восьми крестьянахъ, повѣшенныхъ въ Маконѣ, о двѣнадцати, казненныхъ парламентомъ въ Доуэ; и въ каждой провинціи происходило то же самое. Въ то самое время, когда составлялась декларація правъ (въ августѣ 1789 г.), въ одинъ день казнено было 13 браконьеровъ, которые, дѣйствуя на точномъ основаніи Революціи, охотились за дичью своихъ сеньоровъ.

Пользуясь общимъ возстаніемъ крестьянъ въ Эльзасѣ, въ Лотарингіи, въ Дофинэ, въ Шампаніи, въ Пуату, въ Перигорѣ и т. д., эмиссары третьяго сословія—Дюпортъ и другіе—объѣзжали мелкіе города, побуждая буржуа организовать милицію.—„Въ пятнадцать дней — разсказываетъ самъ Дюпортъ—я вооружилъ добрую половину Франціи. Я пріѣзжалъ въ городъ, сзывалъ набатомъ гражданъ и объявлялъ, что разбойники готовятся сдѣлать нападеніе на городъ. Тогда всѣ поспѣшно вооружались“. И мэръ Перонны откровенно признался. „Мы хотимъ находиться подъ страхомъ террора“— говорилъ онъ. „Благодаря тревожнымъ слухамъ мы имѣемъ возможность содержать во Франціи милицію изъ-за милліоновъ буржуа“.

О да, буржуазія знала, что дѣлать! И такимъ образомъ, осенью 1789 г. вся буржуазія оказалась вооруженною и овладѣла переорганизованными на основаніи новаго закона муниципалитетами, стоявшими во главѣ сильной милиціи.

Библиотека "Руниверс"

Когда же народъ. охваченный необыкновеннымъ революціоннымъ порывомъ, возсталъ противъ новой собственности, онъ встрѣтилъ противъ себя буржуа, которые кричали ему: „Остановись! Ты сдѣлалъ уже то, что отъ тебя требовали, и не пойдешь далѣе! Ты уничтожилъ старый режимъ, но новый режимъ устраивать будемъ мы. Вотъ военный законъ, и когда мэръ развернетъ красное знамя, тебя будутъ разстрѣливать изъ ружей и изъ пушекъ для того, чтобы заставить тебя вернуться въ твои лачуги“.

А въ это время третье сословіе вотировало въ Національномъ Собраніи одинъ законъ за другимъ, которые переорганизовывали Францію по его идеалу. Законы, для выработки которыхъ въ обыкновенное время потребовалось бы много лѣтъ, теперь составлялись въ нѣсколько дней. Законовѣды и теперь еще удивляются ихъ ясности, ихъ изящному стилю, отсутствію въ нихъ противорѣчій, ихъ предусмотрительности по отношенію къ частностямъ. Европа въ теченіе столѣтія подражала этимъ законамъ.

Стало-быть, буржуазія не была застигнута врасплохъ Революціей. Она воспроизводила на бумагѣ то, что уже издавна обдумывала и изучала.

Но если бы эти законы могли только войти въ силу, если бы они стали реальностью—Революція на этомъ и закончилась бы; она ограничилась бы пышной деклараціей правъ, которая въ дѣйствительности выражалась въ организаціи рабства.

Къ счастью, Дворъ и аристократія не сочли себя побѣжденными. Они боролись противъ законовъ Учредительнаго Собранія, они устраивали заговоры, и Революція должна была продолжаться. Она дѣйствительно продолжалась, и благодаря грандіозной борьбѣ, которую ей пришлось вести, она не остановилась на неопредѣленныхъ „фразахъ“ палаты представителей.

Библиотека "Руниверс"

V.

Если исторія Великой Революціи, какъ ее повѣствуютъ Мишлэ, Луи Бланъ и даже Минье, въ сильной степени способствовала пробужденію во всемъ мірѣ духа мятежа и ненависти къ тираннамъ, она, съ другой стороны, причинила большое зло, культивируя правительственные предразсудки, приписывая клубу якобинцевъ и революціоннымъ правительствамъ значеніе, котораго они никогда не имѣли, затушевывая роль массъ и создавая совершенно ложную революціонную традицію.

Читая эту исторію, приходишь къ убѣжденію, что Революцію совершили представители народа, что только они взяли на себя иниціативу разрушить старый режимъ и только время отъ времени обращались съ воззваніемъ къ народу, приглашая его поддержать ихъ требованія.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, и такое весьма распространенное пониманіе Революціи крайне ложно. Представители націи, конечно, работали надъ тѣмъ, чтобы *организовать* власть буржуазіи и централизовать ее въ своихъ рукахъ въ интересахъ той же буржуазіи. Но имъ удавалось выполнять свою задачу лишь по мѣрѣ того, какъ народный мятежъ разрушалъ старый режимъ, и при этомъ разрушеніи они старались спасти возможно болѣе учрежденій стараго порядка.

Ихъ боевая сила была незначительна, мы это отмѣчали уже нѣсколько разъ, и можно утверждать безъ преувеличенія что все дѣло разрушенія было выполнено народомъ безъ Національнаго Собранія и вопреки ему. Феодальныя права уничтожилъ народъ, *несмотря на сопротивленіе его правителей*. Босяки, вопреки жестокимъ указамъ, изданнымъ противъ нихъ тѣми, кто именовался ихъ представителями, уничтожили административную машину старой монархіи; ея парламенты, ея провинціальныя учрежденія, ея фискальное управленіе и ея силу угнетенія.

Указывалось иногда, что представители народа въ Учредительномъ Собраніи и въ особенности въ Конвентѣ по

Библиотека "Руниверс"

крайней мѣрѣ, санкціонировали уже совершенные революціонные акты, и что эта санкція обобщила эти акты, придавъ имъ силу закона.

Но даже и этого нельзя сказать. Народу удалось лишь, угрожая этимъ собраніямъ съ трибунъ, заставить ихъ признать нѣкоторые факты и издать соотвѣтственные законы; но наиболѣе передовые изъ этихъ законовъ всегда были компромиссомъ съ прошлымъ: это были сдѣлки, которыми старались спасти отъ возставшаго народа часть старыхъ привиллегій *).

Итакъ, Собранія, включительно съ Конвентомъ, являлись всегда тормазомъ для Революціи. Что бы ни говорили Мишлэ и Луи Бланъ, собранія эти никогда не шли впереди Революціи.

Мы не имѣемъ возможности въ рамкахъ этой брошюры останавливаться на всѣхъ частностяхъ для того, чтобы обосновать нашу точку зрѣнія. Мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ для доказательства *справедливости нашихъ взглядовъ*.

Остановимся на самомъ важномъ актѣ Революціи—на уничтоженіи феодальныхъ правъ—и посмотримъ, при какихъ обстоятельствахъ это произошло.

Легенда о ночи 4-го августа 1789 г. извѣстна. Духовенство и дворянство, охваченное патріотическимъ порывомъ, будто бы отреклись въ эту памятную ночь отъ своихъ правъ. Такъ хочетъ исторія. И развѣ она не можетъ для доказательства сослаться на цвѣтистыя рѣчи герцога Эгильона, герцога Ноаля, архіепископа Шартра и нѣсколькихъ десятковъ дворянъ?

---

*) Левердей въ книгѣ, которая, къ сожалѣнію, осталась мало извѣстной („Собранія-говорильни", изд. 1883 г. Марпона и Фламмаріона), разсмотрѣлъ вопросъ относительно Конвента. Онъ не подвергъ анализу декреты Конвента: этотъ анализъ доказалъ бы, что „очищенный" Конвентъ также вотировалъ одни компромиссы.

Библиотека "Руниверс"

Все это — слова! Энтузіазмъ ихъ — если даже онъ былъ искреннимъ—длился всего нѣсколько часовъ.

И прежде всего, не представляетъ сомнѣнія, что это была ночь паники, а не ночь энтузіазма. Въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль замки пылали или подвергались разграбленію, въ особенности въ восточныхъ провинціяхъ крестьяне обнаружили большую жестокость по отношенію къ нѣсколькимъ сеньорамъ; они жгли имъ пятки, заставляя ихъ этимъ отказаться отъ феодальныхъ правъ (такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали въ Парижѣ), и извѣстія, которыя приходили изъ провинціи, представляли эти событія въ преувеличенномъ видѣ.

„Это дѣлаютъ не разбойники!"—воскликнулъ герцогъ Эгильонъ—„но народъ образовалъ родъ союза для того, чтобы уничтожить замки, опустошить земли и въ особенности овладѣть монастырскими архивами" (въ которыхъ хранились документы, утверждавшіе права феодаловъ).

Такъ говорятъ въ паникѣ, а не изъ энтузіазма! Но что же предлагаютъ ярые революціонеры третьяго сословія, констатируя факты жакеріи?

Справьтесь въ „Monitieur", и вы увидите, что они пришли на засѣданіе потребовать изданія закона *для защиты дворянъ противъ возставшихъ крестьянъ*. Къ счастью, дворяне были лучше освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ деревнѣ. Они чувствуютъ, что дѣло идетъ объ ихъ собственной жизни. Они понимаютъ, что правительство безсильно, что одинъ лишній законъ не остановитъ жакеріи, что всѣ ихъ привиллегіи окончательно погибнутъ. И они стараются спасти самое существенное, принося въ жертву „на алтарь отечества" то, что не имѣетъ никакого значенія; они съ готовностью отказываются отъ *личныхъ* повинностей, отъ тѣхъ, которыя не выполнялись крестьянами уже болѣе семи или

Библиотека "Руниверс"

восьми мѣсяцевъ; они отказываются отъ права суда, которымъ они все равно не могли больше пользоваться, такъ какъ въ это время получилъ преобладаніе судъ крестьянскій.

Что же рѣшило Учредительное Собраніе послѣ всѣхъ этихъ отреченій?

Оно объявило, что феодальныя права уничтожены: такъ начинается декретъ. Но пятью или шестью строками ниже значится, что уничтожаются лишь тѣ феодальныя права, которыя больше не существуютъ, тѣ, которыя—это констатируютъ доклады интендантовъ—не существовали уже съ 1788 года, о которыхъ *Шассэнъ* намъ говоритъ, что для ихъ возстановленія понадобилось бы брать приступомъ каждую деревню въ отдѣльности.

Болѣе того!..

Что касается *дѣйствительныхъ* повинностей — хлѣбнаго оброка, земельнаго оброка, денежныхъ платежей—тѣхъ повинностей, которыя имѣли также денежную цѣнность, декретъ 4-го августа сохранилъ ихъ въ неприкосновенности. Крестьяне получили право выкупать ихъ, *если придутъ въ соглашеніе со своими сеньорами относительно условій выкупа*. Такимъ образомъ революціонное Собраніе сдѣлало въ этомъ отношеніи еще менѣе, чѣмъ русское правительство въ 1861 году. Оно не сдѣлало выкупа обязательнымъ; оно не установило размѣра выкупныхъ платежей: „Входите въ соглашеніе съ сеньорами. Если они хотятъ вамъ позволить выкупить феодальныя повинности, тѣмъ лучше! Если они не хотятъ, тѣмъ хуже! Но платите, платите немедленно! И если вы не заплатите, муниципалитетамъ будетъ вмѣнено въ обязанность наставить васъ на путь истины.

Вотъ сущность знаменитыхъ декретовъ 5, 6, 8, 10 и 11-го августа. Вы понимаете теперь, почему ни одинъ изъ историковъ Революціи не приводитъ текста этихъ декретовъ.

Они тщательно воздержались отъ этого.

„Эти декреты вызывали въ деревнѣ всеобщее неудовольствіе“—пишетъ реакціонная г-жа де-Сталь. „Если ихъ не улучшатъ, жакерія разгорится вновь“.

И жакерія разгорѣлась еще сильнѣе.

Библиотека "Руниверс"

Собственно говоря, августовскіе декреты были лишь деклараціей принциповъ. Стиль законодателей былъ ясенъ и точенъ, когда они составляли законы, касавшіеся политической организаціи буржуазной власти; но они ограничивались фразами, когда нужно было затронуть одну изъ тѣхъ экономическихъ привиллегій, которыми они пользовались наравнѣ съ дворянами.

Поэтому-то они не торопились обнародовать эти декреты. Король отказался дать свою санкцію, и они же побуждали короля подчиниться. Нужно было, чтобы народъ, женщины привели короля въ Парижъ 5-го октября для того, чтобы онъ рѣшился дать свою санкцію. Но даже получивъ ее, Собраніе ограничилось тѣмъ, что разослало декреты эти парламентамъ, и фактомъ остается то, что декреты эти никогда не были, какъ слѣдуетъ, обнародованы.

Однако, крестьяне, получивъ неопредѣленныя свѣдѣнія, что въ Версали шла рѣчь о феодальныхъ повинностяхъ, почерпнули въ этомъ новую бодрость. Они продолжали устраивать жакеріи, и въ февралѣ 1790 года комитетъ докладовъ констатировалъ, что возстаніе крестьянъ все еще продолжается, что красный пѣтухъ гуляетъ въ Керси, въ Руэргѣ, въ Перигорѣ, въ Нижней Бретани, что возстаніе перекидывается на западъ. Комитетъ потребовалъ, чтобы точно было разъяснено, какія феодальныя права уничтожены и какія сохранены. Онъ потребовалъ также, чтобы противъ крестьянъ примѣнены были суровыя мѣры. Что сдѣлало Національное Собраніе? Оно выразило свое сожалѣніе, послало свое одобреніе муниципалитетамъ, которые вѣшали возставшихъ крестьянъ почти безъ суда, и приказало напомнить населенію декретъ 10-го августа, драконовскій декретъ противъ „разбойниковъ".

Только въ мартѣ 1790 г. оно рѣшилось точно указать, какія феодальныя права уничтожены. Но еще въ іюнѣ того же года Собраніе издало законъ, по которому крестьянамъ, не уплатившимъ десятины, хлѣбныхъ и поземельныхъ оброковъ, угрожало суровое наказаніе. Мало того! За однѣ только

Библиотека "Руниверс"

рѣчи противъ этихъ повинностей можно было попасть подъ дѣйствіе жестокаго военнаго закона *).

Къ счастью, Франція не имѣла правительства. Одно собраніе смѣняло другое, начальство въ провинціи и въ Парижѣ важничало и наряжалось въ позументъ, но ихъ власть не была реальной. Жакерія продолжалась, и феодальныя права фактически исчезали, несмотря на то, что законъ сохранилъ ихъ еще.

Хотите вы знать, когда права эти были уничтожены закономъ, безъ выкупа? — 14 іюня 1792-го года — благодаря тому, что Собраніе попало впросакъ. Когда въ залѣ засѣдало только 200 депутатовъ лѣвой изъ 497, они поторопились изготовить на скорую руку законъ, который призналъ уже совершившійся фактъ.

И намъ говорятъ о принципахъ 1789 года! О роли революціонныхъ Собраній!—Ложь, басни, изобрѣтенныя для того, чтобы править человѣческимъ стадомъ!

VI.

Извѣстно, что во Франціи, какъ и повсюду въ Европѣ, общины владѣли нѣкогда *почвой* территоріи. Сеньоръ — баронъ, графъ или герцогъ—имѣли право только на извѣстное количество рабочихъ дней земледѣльцевъ, жившихъ на тѣхъ земляхъ, которыя подчинены были его расправѣ и приносили ему доходъ. Взамѣнъ этого онъ обязанъ былъ вооружать и содержать всадниковъ и пѣхотинцевъ на случай войны.

Впослѣдствіи понадобилась вся казуистика римскаго права, комментируемаго и толкуемаго законовѣдами, для того, чтобы объявить собственностью сеньоровъ всю землю, собственниками

*) Историки тщательно обходятъ молчаніемъ этотъ декретъ. Его можно найти въ „Moniteur“.

Библиотека "Руниверс"

которой они нѣкогда были ровно настолько же, насколько Императоръ Россіи или Германіи — собственникъ земли русской или нѣмецкой.

Извѣстно также, что въ продолженіе всей второй половины среднихъ вѣковъ, сеньоры старались и успѣли овладѣть большею частью тѣхъ земель, которыя нѣкогда принадлежали общинамъ.

Однако въ XVIII вѣкѣ общины владѣли еще огромнымъ пространствомъ земель, которыя составляли всегда предметъ вожделѣній сеньоровъ и деревенскихъ буржуа, разбогатѣвшихъ крестьянъ.

Въ теченіе XVIII вѣка сеньоры издавали законы, и они воспользовались этимъ въ широкой степени для того, чтобы присвоить себѣ значительную часть общинныхъ земель. Они сдѣлали то же самое, что англійскіе сеньоры продѣлывали впродолженіе послѣднихъ ста лѣтъ и дѣлаютъ еще и теперь, предоставляя общинамъ затѣвать судебные процессы безъ надежды ихъ выиграть.

И вотъ, когда Революція началась бунтами въ деревняхъ, крестьяне имѣли двѣ основныя задачи: уничтоженіе феодальныхъ повинностей и возвращеніе въ собственность земель, украденныхъ у нихъ свѣтскими и духовными сеньорами.

Мы видѣли, какъ революціонеры заботились о томъ, чтобы сохранить насколько возможно старое крѣпостное право. Когда дѣло шло о возвращеніи крестьянамъ общинныхъ земель, они поступали такимъ же образомъ.

Крестьяне воспользовались неурядицами среди властей и вступали во владѣніе землями, а революціонная буржуазія, къ которой историки относятся съ такой нѣжностью, всячески мѣшала имъ въ этомъ. И когда, вопреки дикимъ законамъ противъ тѣхъ, кто „наносилъ ущербъ собственности", крестьяне все же овладѣли доброю частью общинныхъ земель, — вотъ, что предприняла буржуазія съ цѣлью сохранить добычу въ своихъ рукахъ.

До Тюрго французская деревня была организована приблизительно такимъ же образомъ, какъ теперь русская.

Библиотека "Руниверс"

Общее собраніе *всѣхъ* домохозяевъ обсуждало сообща всѣ дѣла коммуны. Это былъ „*міръ*“, какимъ его описываетъ Лавелэ для Россіи и Бабо для Франціи. Деревня распредѣляла во временное пользованіе общинныя земли; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовало даже распредѣленіе воздѣлываемыхъ полей, такое же, какое существуетъ въ Россіи. Вся деревня несла на себѣ отвѣтственность за уплату налоговъ.

Тюрго все это перемѣнилъ.

Общая отвѣтственность (круговая порука) была уничтожена; подъ предлогомъ, что общія собранія „слишкомъ шумны“, этотъ другъ буржуазнаго порядка, котораго буржуазія считаетъ теперь великимъ человѣкомъ, уничтожилъ ихъ однимъ росчеркомъ пера. Онъ замѣнилъ ихъ *выборными* собраніями, немногочисленные члены которыхъ избирались изъ среды именитыхъ жителей деревни. — Крестьяне-пролетаріи—тѣ, которые не имѣли быка или плуга и воздѣлывали заступомъ небольшой клочекъ земли (такихъ было очень много), потеряли, такимъ образомъ, всякое вліяніе на управленіе общиннымъ имуществомъ.

Тюрго сдѣлалъ то же самое, что пытается сдѣлать теперь русская буржуазія, которая и добьется своего, когда подчинитъ себѣ законодательство страны.

Революція возобновила политику Тюрго. Она поспѣшила установить различіе между *активными* гражданами и *пассивными*. Только первые. т.-е. богачи, получили право вота при рѣшеніи національныхъ и муниципальныхъ дѣлъ. И та же система примѣнена была къ общиннымъ землямъ. Политическая власть дополняетъ всегда экономическую власть, и когда крестьяне вновь овладѣли частью общинныхъ земель, Законодательное Собраніе поспѣшило разрѣшить коммунамъ, или вѣрнѣе, коммунальнымъ совѣтамъ, избраннымъ богатыми, продавать общинное имущество.

Какъ разъ къ этому уже давно страстно стремилась мелкая буржуазія. Лучшія земли тотчасъ же перешли въ ихъ руки.

Библиотека "Руниверс"

Но пролетаріи не хотѣли съ этимъ согласиться, и въ каждой деревнѣ возникла тогда борьба между богатыми и бѣдными. Тамъ, гдѣ бѣдные чувствовали себя въ силѣ, они съ дубинами нападали на муниципалитеты и разрывали акты продажи.

Такъ какъ иногда сила оказывалась на ихъ сторонѣ, они заставили Законодательное Собраніе пріостановить продажу общинныхъ земель. Но буржуазія успѣла себя вознаградить, постановивъ — это можетъ показаться невѣроятнымъ—раздѣлить общинныя земли на равныя части *только между активными гражданами.*

Бѣдные были исключены изъ дѣлежа. Семьи, которыя жили только тѣмъ, что пользовались общиннымъ пастбищемъ для нѣсколькихъ своихъ барановъ и общиннымъ лѣсомъ, въ которомъ онѣ собирали хворостъ, лишились послѣ этого послѣднихъ средствъ къ существованію. Онѣ покидали деревни и направлялись въ городъ увеличивать ряды промышленнаго пролетаріата.

Но буржуазія только этого и хотѣла. Она мечтала о крупной промышленности и широкихъ торговыхъ дѣлахъ. Идеаломъ Робеспьера и Сенъ-Жюста — мы уже отмѣтили это—являлась англійская конституція и англійская промышленность—промышленность, которой необходимъ пролетеріатъ, милліоны несчастныхъ, принужденныхъ продавать себя за одинъ-два франка въ день и не знающихъ, чѣмъ они утолятъ голодъ черезъ двѣ недѣли. Они должны были быть безъ рессурсовъ и *безъ всякой организаціи;* уничтоживъ цехи, буржуазія поспѣшила издать драконовскіе законы противъ рабочихъ коалицій — ихъ объявили анти-патріотическими—и противъ стачекъ.

Раздѣливъ общинныя земли только между богатыми, буржуазія убила сразу двухъ зайцевъ: она привлекла къ своей революціи вліятельныхъ крестьянъ и создала пролетаріатъ, который необходимъ для промышленности *).

---

*) Страшное возстаніе въ Вандеѣ до сихъ поръ еще не получило объясненія. Всякому, кто знаетъ исторію, извѣстно, что во всѣхъ такъ называемыхъ религіозныхъ войнахъ движущимъ факторомъ всегда является какой-нибудь экономическій вопросъ. Кровавыя расправы гусситовъ, возстанія эпохи Реформаціи и даже ауто-да-фе инквизиціи имѣли экономическія причины.

Вандея не можетъ составить исключенія изъ общаго правила. Теперь исторія Вандеи пишется обыкновенно монархистами или револю-

Библиотека "Руниверс"

Къ счастью, жакерія обездоленныхъ, возобновилась съ новой силой и на этотъ разъ противъ буржуазныхъ спекулянтовъ. Борьба эта привела во время Конвента къ возстанію нѣсколькихъ секцій коммуны и къ казни жирондистовъ.

Во время этого недолгаго торжества анархистовъ народъ успѣлъ заставить Конвентъ издать законъ, по которому земли, отнятыя у сеньоровъ, должны были быть раздѣлены на части между всѣми обитателями деревни.

На первый взглядъ это была справедливая мѣра, но въ основѣ своей она была такъ плоха, что декретъ этотъ никогда не былъ выполненъ. Пролетарій деревни предпочиталъ участвовать въ общинныхъ земляхъ, чѣмъ вступать во владѣніе клочкомъ земли — наихудшимъ, конечно,—котораго онъ вскорѣ долженъ будетъ лишиться, не имѣя возможности его воздѣлывать. И такимъ образомъ вопреки указамъ суроваго Конвента, общины сохранили въ своемъ владѣніи милліоны гектаровъ земли.

Добавимъ, что „порядокъ“ вскорѣ былъ возстановленъ Робеспьеромъ, который гильотинировалъ „анархистовъ“— какъ тогда называли гебертистовъ и всѣхъ революціонеровъ, непочтительно относившихся къ буржуазной собственности. Законъ противъ кулачества, максимальныя цѣны на съѣстные припасы, принудительный курсъ ассигна-

---

ціонными буржуа. Когда она будетъ написана кѣмъ-нибудь другимъ, окажется—мы въ этомъ убѣждены,—что причиной этого страшнаго возстанія является ненависть противъ декретовъ буржуазныхъ законодателей Революціи. Здѣсь, навѣрное, игралъ большую роль вопросъ объ общинныхъ земляхъ. Религія же, король были только эмблемами экономическаго недуга. Но что можно объ этомъ знать, если историки ограничиваются тѣмъ, что копируютъ по исторіи 1789—1793 г. „Друзей свободы“ и не изучаютъ совершенно происхожденія народныхъ движеній. Ни одна исторія Великой Революціи не упоминаетъ даже декретовъ относительно феодальныхъ правъ и общинныхъ земель, ихъ приходится искать у Даллоза или въ сборникахъ законовъ.

Только двое изслѣдователей, двое русскихъ (Васильчиковъ и Карѣевъ), старались освѣтить этотъ предметъ. Но и то второй—изучалъ въ архивахъ лишь начало Революціи, а первый писалъ въ Россіи и могъ пользоваться документами только изъ вторыхъ рукъ. Что касается французскихъ буржуа, они старательно затемняютъ дѣятельность своихъ дѣдовъ и оглушаютъ народъ звучными словами, дабы лучше его эксплоатировать.

Библиотека "Руниверс"

цій — также были компромиссами и, если и вводили скромныя ограниченія для буржуазной собственности, все же сохраняли ея существованіе.

Но и этимъ ограниченіямъ, какъ извѣстно, наступилъ конецъ, когда господствовавшая партія якобинцевъ была оставлена народомъ и погибла при переворотѣ въ термидорѣ *).

*) См. Минье.

Библиотека "Руниверс"